
Л. Е. ГРИНИН

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Столетний юбилей Февральской и Октябрьской революций в этом году дает повод вновь обратиться к анализу тех уже далеких, но по-прежнему крайне важных событий. Центральная тема настоящей работы – анализ соотношения революции и модернизации, тех взаимосвязей, опасностей и ловушек, которые возникают вследствие ускоренного развития общества и могут вести к революциям. Начиная с Нового времени в основе революций в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции усиливаются быстрым ростом населения, особенно городского. В статье показано, почему революции происходят в период после некоторого (порой длительного) повышения уровня жизни населения, а также почему они возможны именно в экономически успешных обществах, каким была предреволюционная Россия. Делается вывод, что революции на том или ином этапе модернизации – скорее закономерность, чем случайность. В статье показан механизм, в результате которого общество попадает в особого рода – модернизационные – ловушки. Если мальтузианская ловушка связана с отставанием производительных сил от темпов роста населения и в целом недостаточным динамизмом изменений, то модернизационная ловушка, напротив, – с чрезмерно быстрыми изменениями, за которыми трансформация ряда важнейших отношений и институтов общества не успевает. В России сложился особый тип модернизационной ловушки – мальтузианско-марксова ловушка. Таким образом, автор анализирует Русскую революцию в связи с тенденциями всемирно-исторического процесса, выделяет некоторые общие причины революций и показывает, как эти причины преломились в нашей истории. Он обращает внимание как на сходства Русской революции с другими крупными революциями, так и на некоторые ее особенности. Это дает возможность ответить на вопросы, была ли Русская революция неизбежной; можно ли было избежать столь радикальных социальных преобразований, которые имели место в первый период советской истории.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 17-06-00464).

Ключевые слова: модернизация, революция, Русская революция, политический режим, демократия, кризис, завышенные ожидания, депривация, «молодежный бугор», мальтузианская ловушка, модернизационная ловушка, мальтузианско-марксова ловушка, исторический процесс.

Есть исторические события, к которым время от времени невольно обращается взор не только историков, но и многих мыслящих людей. Чаще всего это события, которые, говоря словами Джона Рида, не только «потрясли мир», но и существенно, даже круто изменили его. Именно к таким относятся революционные события 1917 г.

Неудивительно, что вокруг причин, их породивших, а равно причин (как в феврале, так и в октябре) их неожиданного успеха и банкротства февральских революционеров, так же как и всего комплекса причин и следствий российского переломного периода конца второго десятилетия XX в., создано великое множество теорий и мнений. От абсолютной неизбежности революции до трагического и почти невероятного стечения роковых обстоятельств. От заговоров различного толка (масонов, иностранных держав, генералов и высшей знати) до сведения всего комплекса причин лишь к роли личности (Распутина, царя, царицы, бездарных градоначальников, революционеров, Ленина и т. п.). От неумолимых мальтузианских тенденций до предательства царя генералами; либо неудач в войне, нехватки топлива и продовольствия вследствие кризиса перевозок и заготовок. Словом, существует множество мнений и указывается множество причин (о некоторых из них сказано в настоящем выпуске журнала). Мы также добавили к этому множеству объяснений свои, издав в 2010 г. спецвыпуск под названием «О причинах Русской революции» (Гринин и др. 2010), в котором представлен довольно широкий спектр мнений участников достаточно острой дискуссии.

Но в настоящей работе автор не ставил своей целью вдаваться в анализ и оценку причин революции, и тем более точек зрения по данному поводу. Столетний юбилей нашей революции, которая стала началом – как бы мы к этому ни относились – грандиозного изменения, требует осмысления в более широком контексте. В данной статье автор попытался рассмотреть Русскую революцию в связи с общими тенденциями исторического процесса, поставить ее в ряд других великих революций, выделить некоторые общие при-

чины революционных событий и показать, как эти причины преломились в нашей истории.

И еще пара замечаний в этом кратком введении. Первое. Поскольку русские революции тесно связаны между собой, во многом имеют одни и те же причины (и даже одних и тех же действующих лиц), в настоящей работе все три революции¹ будут обозначаться в единственном числе как *Русская революция*. Второе. Итогом и смыслом Русской революции стал социализм. Однако в статье мы только очень бегло могли коснуться оценки социализма.

1. Русская революция среди других революций

С одной стороны, русские революции видятся сугубо российским явлением, неким результатом, связанным с национально-историческими особенностями Российской империи. Например, с 300-летием династии Романовых, общинным характером земледелия, суровыми по европейским меркам климатическими условиями, делавшими плоды труда крестьян достаточно скудными. Они видятся результатом долгого крепостного права, продуктом великодержавной имперской политики, при которой, говоря словами историка В. О. Ключевского, государство пухло, а народ хирел. Они были обусловлены национальными проблемами, в свете которых нерусским народам Россия виделась «тюрьмой народов», вечным соперничеством с европейскими державами и одновременно постоянным стремлением их догнать, что привело к отчуждению интеллигенции и народа, – а также еще целым букетом специфических российских проблем, включая утрату высокой религиозности в результате выхолащивания и огосударствления православия.

С другой стороны, революциями, которые стали социально-политическими явлениями с Нового времени, «переболели» очень многие страны, некоторые раньше России, а некоторые – намного позже. И сегодня революции далеко не вышли из арсенала решения социально-политических проблем². А это значит, что революции и, шире, возникновение революционных настроений – это явление, которое переживают многие общества. Следовательно, в известной

¹ Или две, если Февральскую и Октябрьскую считать разными фазами единой революции.

² Есть более счастливые общества, которым удалось избежать революций, но среди исторических наций их не так уж много, а среди крупных держав – и подавно.

мере это закономерность определенного этапа развития общества. Значит, если поставить русские революции в общий ряд революций, рассматриваемых как определенный этап развития общества, как особого рода кризис в период его бурного роста, многие аспекты наших революций приобретают иные черты и получают иные оценки.

Но хотя русские революции невозможно понять вне особенностей социально-исторического развития российского общества и конкретных исторических обстоятельств и, несмотря на то, что они имеют свою ярко выраженную специфику (а любая крупная, тем более великая, революция, несомненно, обладает колоссальной спецификой, правда, ее величие измеряется масштабом ломки, насилия и кровопролитности), мы сможем найти в них и немало общих черт с другими революциями, причем разных эпох.

Русская революция после Октября 1917 г. превзошла, однако, другие революции, полностью уничтожив частную собственность (а заодно и частных собственников)³. При этом социальная революция (в отличие от политической) не закончилась с завершением гражданской войны. Напротив, она растянулась во времени⁴. Пережив отступление нэпа, когда казалось, что идеологические крайности революционных лозунгов отброшены, она совершила невиданное ранее насилие, лишив крестьян земли и полностью ее огосударствив. Трудно вспомнить, чтобы до нее в ходе какой-либо революции период крутой социальной ломки длился столь долго. В лучшем случае революция перерастала в эпоху реформ (как, скажем, в Японии в период реставрации Мэйдзи, где реформы длились в течение четверти века; в какой-то мере это касалось и раннего периода правления Наполеона I во Франции). После Октябрьской революции такие случаи появились (в частности, в Китае, в известной мере и в Иране), так что развитие шло буквально согласно песне: «Есть у революции начало, нет у революции конца», превращаясь в перманентную революцию.

³ Впрочем, уже Февральская революция пошла очень далеко, введя в практику идеи, которые едва ли где-то применялись в полном объеме. Например, женщины в то время не имели полноценных избирательных прав ни во Франции, ни в Англии, ни в США, а Временное правительство предоставило такие права российским женщинам.

⁴ Точнее сказать, политическая революция также продолжалась, но сфера ее сузилась до внутрипартийной борьбы.

Русская революция произвела мощный резонанс в мире. И речь идет не просто о силе влияния самого события на изменение в мировом раскладе сил, мировой геополитике, что тоже, конечно, имело место. Нет, речь идет о силе примера, о повторении события в других обществах⁵. Недаром большевики рассматривали Октябрь как начало всемирной революции. Можно сравнить ее в этом аспекте с Иранской революцией 1979 г. Последняя имела еще большую национально-культурную специфику, чем российская, но при этом не стала (к счастью) началом новой линии развития обществ, примером для подражания⁶. А социалистическая революция в России стала именно новым направлением. Поэтому ее можно считать одной из немногих великих революций⁷.

Революции, тем более великие, могут заходить очень далеко в процессе социальной ломки. Это ведет к тому, что на каком-то этапе начинается откат назад. Николай Бердяев сформулировал это как «закон реакции». «Все революции кончаются реакциями. Это неотвратимо, это закон», – писал знаменитый российский философ (Бердяев 1990: 29)⁸. Но в Русской революции можно увидеть как бы две волны: реакция в рамках нэпа и изменения норм партийной жизни; реакция в плане усиления роли государства и позже патриотизма. Это еще раз подчеркивает, что социальная ломка в Русской революции была особенно долгой по сравнению с предшествующими.

О великих революциях. Имеет смысл сформулировать несколько тезисов относительно влияния великих революций на течение исторического процесса.

Открывая новые, невиданные ранее горизонты в плане социально-политической ломки и реформации, глубины насилия и разрушения, эти революции в то же время не просто ломают, но и как бы очерчивают круг возможных социальных изменений на длительный период. По меньшей мере часть революционных идей

⁵ Уже революция 1905–1907 гг. содействовала ряду революционных событий в странах Востока.

⁶ Отметим здесь сходство в наличии ортодоксального направления религии в обеих странах (православия в России и шиизма в Иране), при этом претендующего на первенство в рамках общей религии, но не имеющего достаточного распространения в мире.

⁷ Нередко выделяют только две великих революции: Французскую и китайскую (см., например: Skocpol 1979; см. также: Sanderson 2005: ch. 2). Иногда к этому перечню добавляют Английскую революцию XVII в.

⁸ Анализ этого «закона» см.: Гринин, Коротаев 2014.

и принципов рано или поздно распространяются не только в породившем их революционном обществе, но и за его пределами. Иногда на штыках (как это было во время Наполеоновских войн), иногда силой примера в ходе соперничества режимов и идеологий.

В результате совершения великих революций возникают альтернативные линии развития. Это обогащает социальную эволюцию. Но такие революционные линии развития в итоге в большей или меньшей степени проявляют себя как тупиковые. Великая революция XVII в. в Англии создала республиканскую линию развития крупной державы⁹. Однако вскоре она зашла в тупик. И идея республики для Англии в результате реставрации Стюартов в 1660 г., а затем и Славной революции 1688 г. была отброшена. То же относится и к Великой французской революции конца XVIII в., которой в итоге не удалось доказать жизнеспособность ни республиканского правления, ни полной отмены сословий. Ни одну из революций 1848–1849 гг. нельзя назвать великой, но в целом, учитывая массовость революционных действий и их быстрое перетекание из одной страны в другую, эти события носили характер великой европейской революции. Идеи социальной революции и социального общества, которые пытались реализовать во Франции в июле 1848 г., испугали не только буржуазию, но оказались явно не по душе многим слоям европейского общества. В результате революции этого периода потерпели поражения. Русская революция начала XX в. открыла направление перестройки общества на основе идей уравнительного социализма и отмены частной собственности. В конечном итоге, хотя далеко не сразу, эта линия развития исторического процесса также явно зашла в тупик.

Но с точки зрения всемирно-исторического развития влияние великих революций отнюдь не было безрезультатным. Напротив, по гегелевскому закону отрицания отрицания их идеи и практики стали широко внедряться, но это внедрение могло быть успешным только потому, что их наследникам удалось отказаться от крайностей радикализма¹⁰. Так, в результате Славной революции в Англии

⁹ До этого республики существовали только в небольших государствах.

¹⁰ В революциях (особенно на Западе) основная борьба обычно идет между умеренными и радикалами (Хантингтон 2004: 278). В России в результате Октября к власти пришло радикальное крыло революционеров, которое, в отличие от предшествующих революций,

установилась не республика, но конституционная монархия, которая и стала моделью развития европейских обществ в течение последующих двух столетий. В результате Великой французской революции в Европе и самой Франции стали вводиться конституции, крепостное право в ряде стран отменялось или было смягчено, укреплялась крестьянская собственность на землю, произошли существенные изменения в законодательстве и других сферах. В результате отрицания крайностей социальной революции 1848 г. и Великой французской революции, но при сохраняющемся влиянии этих идей в европейских обществах произошли значительные перемены и была открыта дорога развитию капитализма и частично формированию социальной политики государства, особенно в Германии. Под влиянием социалистических идей Русской революции и практики СССР в демократических обществах стали активно развиваться социальная политика и формы социального обеспечения, в результате чего они достигли уровня общества социального благоденствия (правда, сегодня кое-где от него существенно отступили).

Таким образом, великие революции могут нанести ущерб или даже отбросить назад породившее их общество, но в этих революциях реализуется (правда, в сильно искаженном идеологией виде) запрос исторического развития на определенные изменения, трансформации и реализацию новых видов потребностей. При этом выиграть от такого развития могут соседние общества, которые под влиянием революционных событий проводят соответствующие изменения. Иными словами, это способ движения исторического процесса, в котором прогресс в одних обществах может реализовываться за счет провала других. Хотя говорить о полном отсутствии прогресса в отечественном обществе, конечно, не приходится, поскольку на определенном этапе развития советское общество цивилизовалось и добилось довольно значимых успехов. Революция и социальные эксперименты потребовали очень высокой цены от СССР и последовавших за ним социумов. Тем более обидно, что этот путь оказался тупиковым¹¹.

смогло прочно там удержаться. Однако отметим, что и внутри большевизма был целый ряд более радикальных направлений, чем среди правящего большинства.

¹¹ Возможно, это был бы не полный тупик, а частичный, если бы реформаторам удалось сделать переход удачнее (пример Китая показал, что выход без коренной ломки все же был возможен).

Как сказано выше, важным моментом, связанным со всемирно-историческим аспектом крупных революций, стало появление новых линий исторического развития. Многолинейность – характерная черта социальной эволюции (и эволюции в целом [Бондаренко и др. 2010]). Появление новой линии развития – это появление новых возможностей, усиление конкуренции, рост одновременно дивергенции и конвергенции. Социалистическая революция стала новым направлением в индустриализации отстающих стран. И хотя эта линия не была магистральной, она существенно способствовала модернизации мира, и его деколонизации.

Таким образом, мы перешли к центральному вопросу настоящей работы, к соотношению революции и модернизации.

2. Революции как следствие модернизации

Модернизация и нестабильность. Хотя понятие модернизации многозначно, а потому точное его определение вызывает споры, в целом смысл этого понятия более или менее очевиден. Модернизация рассматривается главным образом как процесс перехода от аграрно-ремесленного общества к индустриальному (Хантингтон 2004; Побережников 2006; Травин, Маргания 2004; Нефедов 2007; Яковлев 2010; Гринин 2010в; 2013). Модернизация – исключительно сложный и довольно длительный период развития общества. Процесс модернизации не был ни гладким, ни легким. «Модернизованность порождает стабильность, но сам процесс модернизации порождает нестабильность» (Хантингтон 2004: 59). Таким образом, только пройдя период модернизации, общество обретает устойчивость к определенному рода кризисам (хотя, разумеется, не навсегда). Но на этом пути его подстерегают опасности модернизационной ловушки.

Диспропорции модернизации как причина революций. Начиная с Нового времени в основе революций в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации. Модернизация разрывает ткань традиционного общества, что влечет за собой значительные изменения и порой весьма тяжелые последствия для крупных социальных слоев, а также усиливает конфликтность в обществе. Модернизация порождает новые идеи, идеологии и по-

требности, которые вступают в конфликт с устоявшимся порядком и традициями.

Что касается экономики, то постоянное стремление предпринимателей и в целом производительных сил к расширению сферы деятельности вело к неравномерному развитию экономики, которое выразилось в среднесрочных и длинных экономических циклах (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2010). Эти диспропорции усиливаются быстрым ростом населения, особенно резким увеличением доли горожан и молодежи в его структуре (так называемый «молодежный бугор»), что часто вызывает социальное напряжение.

Влияние модернизации на уровень жизни и ожидания населения и его отдельных слоев. Модернизация в определенные периоды может вести к тому, что уровень жизни определенных слоев населения понижается. Классическим примером служит история с английскими ткачами-ремесленниками, изготавливавшими хлопчатобумажную ткань, заработки которых в связи с развитием механизации стали падать. В итоге многие из них обеднели и разорились. На ранних стадиях индустриализации в Англии и ряде других стран механизация также вела к снижению зарплат работающих мужчин, поскольку их могли заменить женщины и дети, которым можно было платить существенно меньше. Все это вызывало социальное напряжение. Однако, как мы увидим ниже, в целом модернизация вела к росту уровня жизни общества. Но, во-первых, она могла усиливать неравенство либо создавать новые линии неравенства, к которым люди еще не привыкли и которые вызывают особое недовольство. А во-вторых, часто революции возникают не в связи с длительным понижением уровня жизни, а в связи с тем, что нарушается приемлемый (где-то даже вполне приемлемый) уровень и порядок потребления. Именно это происходило во время экономических кризисов в городах и в связи с недородами в сельской местности, как это было в период до революции 1905–1907 гг. и в течение нее в России и во время февральских событий 1917 г. в Петрограде, а также в ряде мест в Европе в связи с неурожаями 1845–1847 гг.

В связи с тем, что в период модернизации общества могут развиваться в ускоренном (по сравнению с прежним темпом) режиме, возникают деформации не только в социальном развитии, но и в уровне ожиданий. При этом обычно уровень ожиданий выше того,

что могут дать правительство, работодатели, общество в целом. Рост ожиданий связан с модернизацией уже потому, что со сменой социального контекста, роста уровня неравенства и информированности люди начинают гораздо активнее сравнивать свое положение с уровнем жизни других людей, отбрасывать прежние представления. В процессе модернизации начинают изменяться границы между социальными слоями. Одно дело, когда крепостной крестьянин считал, что различия между ним и помещиком заведены от бога. Другое дело, когда бедный крестьянин видит, что его сосед-крестьянин, который, по понятиям бедняка, ничем не лучше него, разбогател. В еще большей степени это касается жизни в городе. Все это может вызывать чувство постоянного протеста против неравенства и усиливать социальное недовольство, а также напряженность в обществе. В результате прежняя ментальная узда, принуждающая принимать как неизбежность несправедливость социального порядка, ослабевает, и появляется желание активнее участвовать в переделе общественного продукта.

В случае же, когда в определенные периоды жизнь ухудшается в целом или у определенных групп, люди начинают испытывать чувство неудовлетворенности, подавленности и озлобления.

Соотношение роста уровня жизни, ожиданий и разочарований, в частности, исследуется в теории депривации, которая делает акцент на экономической составляющей революционного кризиса. Сторонники этой теории, восходящей к Дж. Дэйвису (Davies 1962; 1969) и Т. Р. Гурпу (Gurr 1968; 1974; 2015), считают, что революция может быть вызвана тем, что ожидания, которые провоцирует модернизация, оказываются неудовлетворенными, и это заставляет людей выходить на улицы¹². Дж. Дэйвис и другие исследователи (см., например: Huntington 1968) показали, что революциям обычно предшествует рост качества жизни. Когда в какой-то момент удовлетворение потребностей несколько снижается – что часто происходит в результате демографического роста, за которым развитие не успевает, или неудачных войн (случай России), экономических кризисов, других негативных событий¹³, – а ожидания продолжают по инерции

¹² Анализ психологических аспектов в обществе, в том числе социальной фрустрации и депривации, в работах Дж. Дэйвиса см.: Урнов 2008: 184–188; см. также: Назаретян 2005: 156.

¹³ В частности, в случае «арабской весны» это было совпадение экономического кризиса и роста цен на продовольствие.

расти (добавим, особенно подхлестываемые агитаторами), создаются условия для кризиса. Возникает *депривация*, то есть состояние существенной неудовлетворенности человека ситуацией в результате лишения его тех условий жизни, к которым он либо привык как к жизненно необходимым, либо считает жизнь без них неудовлетворительной. Разрыв порождает фрустрацию, положение кажется людям невыносимым и унижительным, они ищут виновных. Соответственно недовольство направляется против власти, в итоге возникают массовые беспорядки. Данное описание представляется весьма релевантным для российского модернизирующегося общества.

Вынужденное оставление привычного места проживания для миллионов российских крестьян и их детей, периодические трудности с вхождением в городскую жизнь и трудоустройством (в период кризисов), недороды в тех или иных губерниях, наиболее тяжелые последствия которых хотя и смягчались наличием общественных запасов и выдачей зерна из государственных хранилищ, но, несомненно, воздействовали на мятежные настроения; рост малоземелья в связи с демографическим давлением – масса изменений в процессе модернизации меняла привычный образ жизни, и значительная часть изменений вызывала недовольство у определенных категорий подданных либо у большей их части.

Парадоксы модернизации. Таким образом, как это ни парадоксально, революции нередко происходят именно в период после некоторого (и порой довольно длительного) повышения уровня жизни населения. Поводом для них становится неожиданное временное ухудшение на фоне устойчивого недовольства властью (причем и со стороны высших слоев). Это ухудшение, подготовленное общим недовольством, нарастающим за счет трансформации образа жизни в результате модернизации, вызывает всеобщее возмущение и социальный взрыв. По сути, это доказал еще Алексис де Токвиль, исследуя «старый», то есть дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции (Токвиль 1997). Такого рода волнения могут быть связаны с нарастанием острых (но все же не уровня вопроса жизни и смерти людей) проблем. Именно неспособность властей решить эти проблемы в условиях, когда все решения завязаны на них, могут вызвать постоянное негативное отношение к власти, а в определенный момент и взрыв. К условиям революции, как правило, добавляется падение авторитета власти и ее неспособ-

ность к адекватным или решительным действиям. И если при этом потерявшее авторитет правительство проявляет не вовремя слабость или уступчивость, это ведет к нарастанию требований. В феврале 1917 г. подобный случай наблюдался в России¹⁴.

Существует и еще один парадокс модернизации. С одной стороны, отсталость и бедность могут быть причиной острого неравенства и соответствующего социального напряжения, а с другой – именно при попытках ликвидации бедности и отсталости в процессе модернизации неравенство может возрасти. Отметим, что в России попытки правительства решить проблему отсталости сельского хозяйства и бедности крестьян путем модернизации социальных отношений в деревне (за счет разрушения общины и приобретения крестьянами права на индивидуальное хозяйство) вызвали только обострение напряженности в деревне и в целом в обществе. А развитие народного образования привело к росту количества людей, среди которых было проще агитировать против правительства. Введение законов, улучшающих положение рабочих, способствовало решению наиболее острых проблем на какое-то время, однако в целом ни в коей мере не успокоило рабочий класс. А создание парламента, пусть и с ограниченными правами, лишь усилило стремление либералов к оппозиции правительству и требованиям новых уступок.

Это показывает, насколько сложно избежать модернизационной ловушки. Проблема в том, что в некоторые периоды запоздалые реформы только ухудшают положение правительства. По сути, режим должен вести бонапартистскую политику балансирования между различными слоями и группами, оптимально используя уступки и репрессии, чтобы страна развивалась. Императорский режим в России был слишком самодоволен и величествен, чтобы действовать таким образом. Вообще же в процессе модернизации крайне трудно соблюсти баланс между необходимостью сосредоточить в руках реформатора максимум власти, с одной стороны, и требованиями со стороны общества, оппозиции, иностранных государств развития демократии (то есть отказа от части властных

¹⁴ В. И. Ленин, как известно, определял это как ситуацию, когда «верхи не могут управлять по-старому» (Ленин 1981 [1920]: 69). С. Хантингтон (2004: 278) говорит об «утрате прежней элитой воли к власти и способности управлять».

полномочий) – с другой. Различие результатов реформ между социалистическим Китаем и СССР как раз состояло в том, что СССР пошел по пути политических изменений, что вызвало его коллапс, а китайские руководители смогли удержать власть в руках КПК. Но и чрезмерное упорство в нежелании изменить политический режим может вызвать революционный кризис.

Кроме того, у власти, которая стремится модернизировать страну, максимально сохраняя в ней стабильность, должны быть ясное понимание ситуации и определенная цель. Такое видение имелось лишь у отдельных государственных деятелей в короткие периоды (например, у П. А. Столыпина), в целом же эти качества у российской элиты отсутствовали. Имперская политика определялась прежней идеей, что ресурсы страны должны служить внешним целям, тогда как надо было больше сосредотачиваться на внутренних проблемах, стремясь обеспечить мир (недаром Петр Столыпин произнес знаменитую фразу о двадцати годах покоя и мира). Однако и здесь режим поджидали сложности, поскольку недовольство выливалось и в осуждение внешней политики. От царя требовали успехов на внешнем фронте, а эти успехи угрожали потрясениями трона.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что *революции нередко происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах*. Однако именно этот успех ведет к завышенным ожиданиям и более жесткой критике правительства, что становится идеологической базой для социального взрыва. Все это в полной мере относится к России. Ее экономическое развитие было быстрым, в целом успешным. И особенно успешным оказалось предвоенное пятилетие.

Модернизация, революция и демократия. Революции далеко не всегда ведут к демократии, поскольку переход к ней требует определенного уровня развития, менталитета и готовности большинства населения. В противном случае революции могут даже задержать переход к демократии, что мы и видим на примере России, а сегодня – на примере многих арабских государств. Поскольку эти сюжеты мы рассматривали в статье в настоящем журнале, то отсылаем к ним читателя (Гринин, Коротаев 2013). Отметим только один момент. Чаще всего модернизирующиеся общества – монархические или авторитарные (либо недемократические, либо недостаточно де-

мократические, в которых не сложились устойчивые институты демократии). Авторитарные общества – социумы с жесткой конструкцией. Поэтому они и подвержены революционной ломке, тогда как по-настоящему демократические общества, в которых выход социального недовольства может канализироваться в законные формы, революций не знают. Так, в 1848 г. в Европе и Англии был подъем социальной активности. Но в Англии дело обошлось мирными формами (чартизм), а в Европе произошли революции.

На наш взгляд, наибольшую опасность для социальных потрясений представляют ситуации, когда происходит частичная (но неинституционализированная) демократизация, при которой начинается «перетягивание каната» между авторитарными и радикальными силами; а также ситуация, когда влиятельные радикальные силы, по природе своей и убеждениям недемократические, используют демократические свободы и выборы для захвата власти. Именно так случилось в России. И такие ситуации продолжают иметь место (см. наш анализ событий «арабской весны»: Гринин, Исаев, Коротаев 2016).

Модернизационная ловушка. На связь революций и модернизации указывали многие исследователи (см., например: Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Huntington 1968; Dahl 1971; Brunk *et al.* 1987; Rueschemeyer *et al.* 1992; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Voix 2011; Хантингтон 2004; Стародубровская, Мау 2004; Хобсбаум 1999а; 1999б; 1999в).

Наши исследования целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи также показали, что сами процессы модернизации независимо от уровня потребления и темпов демографического роста достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые потрясения. Особенно способствуют этому распространение в обществе радикальных идей и идеологий, стремительная урбанизация, повышенная доля молодежи в демографической структуре и быстрый рост образованности части населения в сочетании с неграмотностью или низким уровнем образования другой его части (см., например: Гринин 2010а; 2010б; 2011а; 2011б; 2012б; 2013; 2014; Гринин, Коротаев 2012; Гринин, Исаев, Коротаев 2016; Коротаев, Гринин и др. 2011; Grinin 2012). Все это явно наличествовало в России.

В некоторых случаях быстрая модернизация, сопровождаемая быстрым ростом населения, все же не приводит к революциям благодаря более удачной внутренней и внешней политике государства (примером чему служит Япония после реставрации Мэйдзи или Египет в последней трети XIX – первой половине XX в.). Но в целом такие случаи бескризисного развития в условиях модернизации следует рассматривать скорее в качестве исключения, а случаи революций и политических потрясений – как типичные. Этот вывод послужил для нас основанием ввести понятие *модернизационной ловушки*, то есть закономерного социально-политического кризиса, возникающего в процессе модернизации. В эту ловушку попадает общество в попытке преодолеть отсталость (подробнее см.: Гринин 2010б; 2011а; 2012а; 2013; Grinin 2012; Гринин, Коротаев 2012). Модернизационная ловушка возникает в процессе выхода или после выхода общества за счет радикальных изменений из мальтузианской ловушки, характерной для определенного уровня развития сверхсложных аграрно-ремесленных обществ¹⁵.

Мальтузианская ловушка предполагает ситуацию, когда общество не может в течение длительного времени технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства таким образом, чтобы та росла быстрее населения¹⁶. Фактически аграрное общество подходит в этой ситуации к пределу своих возможностей. Рано или поздно возникает и социально-политический кризис, нередко ведущий к коллапсу государственности и вытекающей из этого гуманитарно-демографической катастрофе.

¹⁵ *Модернизационной ловушкой* мы назвали ситуацию усилившихся в результате модернизации до степени социального взрыва противоречий и диспропорций в обществе, связанных со сложными структурными перестройками и глубокими качественными и масштабными количественными изменениями в нем, которые происходят в исторически короткие сроки. Качественные изменения в технологии, производстве, прибавочном продукте, уровне образования, урбанизации, росте населения и многом другом не сопровождаются адекватными изменениями в важнейших институтах общества (политической структуре, правовой системе, системе привилегий, отношениях собственности, религии, семейно-брачных отношениях, морали и т. п.). В итоге отношения в обществе обостряются, возникает завышенный уровень ожиданий, претензий и идеалов, удовлетворить которые в сложившейся ситуации оказывается невозможно (подробнее см.: Гринин 2010б; 2011а; 2012а; 2013; Grinin 2012; Гринин, Коротаев 2012).

¹⁶ Это может вести к понижению жизненного уровня и даже для значительной части населения к балансированию в потреблении на грани физиологического выживания (см., например: Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1988; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann *et al.* 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001; Коротаев 2006; Гринин и др. 2008; 2009).

Но в процессе выхода из мальтузианской ловушки, а равно в процессе изменения общества, возникает большая опасность попадания в ловушки иного типа – модернизационные. Если мальтузианская ловушка связана с отставанием производительных сил от темпов роста населения, то есть их недостаточно быстрым ростом (и в целом недостаточным динамизмом изменений), то модернизационная ловушка, напротив, – с чрезмерно быстрыми изменениями, за которыми ряд важнейших отношений и институтов общества не успевает. Модернизация – процесс длительный. Соответственно, такая ловушка имеет ряд разновидностей, представленных на рисунке.

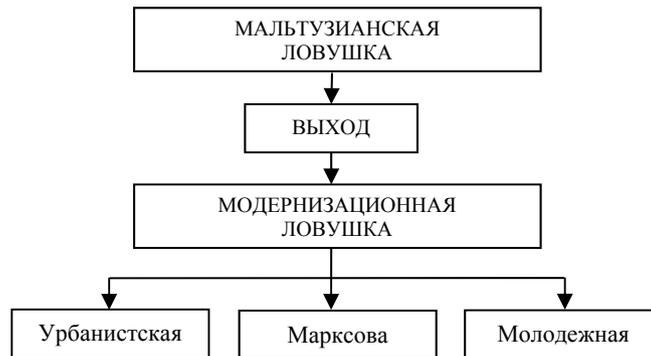

Рис. Типы модернизационных ловушек при выходе из мальтузианской ловушки

3. Российская модернизация и рост революционных настроений

Причины Русской революции многообразны, их следует анализировать в различных аспектах на разных уровнях и временных периодах. Но в самом общем приближении их можно определить как усиливающееся несоответствие социального и политического строя и господствующей идеологии быстрым социальным, экономическим и культурным изменениям в стране, включая и подпитывающий их быстрый рост населения¹⁷. Другими словами, россий-

¹⁷ Эту идеологию можно определить как сословно-монархическую, опирающуюся лишь на официальную – православную – религию, служащую прежде всего интересам узкой родо-

ское государство и общество стали испытывать большие перегрузки, вызванные модернизацией, к которым их конструкция и идеология не были готовы. Только своевременные и глубокие перемены в государственном строе и обществе могли бы изменить ситуацию. Но поскольку они запаздывали, в связи с резким ускорением темпа развития в обществе возникли серьезные деформации. На этом фоне все недостатки режима резко обострились быстрым демографическим ростом, который стал постоянным источником напряженности из-за растущего малоземелья в центральных губерниях и достаточно частых недородов, в отдельные годы охватывающих до двух и более десятков губерний.

Темпы модернизации. В рамках настоящей статьи возможно только привести несколько показательных данных относительно высоких темпов модернизации России, что усиливало диспропорции и перекосы, расслоение и социальное недовольство.

Прежде всего, конечно, стоит подчеркнуть, что в период с 1861 г. в России впечатляющими темпами возросло население, почти в 2,5 раза. Этот рост населения был самым быстрым в Европе и даже приближался к очень высокому росту в США (Грегори 2003: 22). Но в Соединенных Штатах рост поддерживался иммиграцией, тогда как из России, напротив, шла эмиграция в те же США.

В абсолютных цифрах в 1913 г. в Российской империи проживало приблизительно 178,4 млн человек, а без Польши и Финляндии – 163,7 млн (Россия... 1995)¹⁸. Население просто огромное по тем (да и сегодняшним) временам. По численности населения Россия уступала только Китаю и Индии, в то же время численность ее населения втрое превосходила аналогичные показатели Германии и вдвое – США (Там же: 20).

За 46 лет (с 1867 по 1 января 1914 г.) городское население России возросло (приблизительно) с 7,4 млн человек до 23,3 млн, то есть более чем втрое (Россия... 1995). Доля горожан в общем рос-

витой элиты и высшему чиновничеству и рассчитанную на темное крестьянское большинство. По сути, она оставалась той же, что и при Николае I: православие, самодержавие, народность. Рост национального самосознания и патриотизма, с одной стороны, мог поддерживать существующий порядок, но с другой – при неудачах обращался против всего господствующего строя.

¹⁸ См. также: Рашин 1956, но в этом сборнике цифра численности населения несколько меньше.

сийском населении приближалась к 15 %. Темпы роста численности городского населения в России были гораздо более высокими по сравнению с ростом всего населения страны. С 1897 г. по 1 января 1914 г. численность городского населения России (без Польши) возросла на 8,6 млн человек, или на 58,4 %, тогда как за тот же период численность всего населения увеличилась на 33,7 % (Там же). Этот рост урбанизации был ярким показателем быстрой модернизации. Но рост городов – это всегда и рост проблем и возможностей для возникновения дестабилизации (о роли городов в революции см. ниже). Наши исследования также показывают, что в интервале доли городского населения между 10–30 % процессы дестабилизации общества, ведущие к кровопролитным потрясениям, становятся весьма реальными (см.: Гринин, Коротаев 2009).

Другим показателем быстрой модернизации было то, что, несмотря на взрывной рост населения, национальный доход рос в полтора раза быстрее.

Так, с 1861 по 1913 г. население России увеличилось в 2,35 раза, а национальный доход – в 3,84 раза. Это показывает скорость перемен в стране, указывает на причины диспропорций. При этом особо быстрый темп роста ВВП наблюдался в 1890–1904 гг., то есть перед первой Русской революцией (Грегори 2003: 22, а также табл. 1, с. 61).

Рост национального дохода объяснялся как очень быстрым ростом промышленного производства (и современного транспорта), так и весьма быстрым ростом сельхозпроизводства. В итоге в 1913 г. Россия находилась на четвертом месте в мире среди пяти крупнейших промышленно развитых стран по объему выпуска. При этом по ВВП Россия почти догнала Англию и производила 80 % от ВВП Германии (Там же: 20). Конечно, Россия отставала от европейских стран в промышленном производстве, тем не менее она производила промышленной продукции почти столько же, сколько Австро-Венгрия с ее высокоразвитыми Австрией и Чехией, а, например, по производству текстиля находилась на уровне Германии, крупнейшего производителя на континенте (Там же: 21–22). И объем промышленного производства российской индустрии быстро нарастал, в том числе в добыче угля и нефти и выплавке металла.

Россия была крупнейшим в Европе производителем сельскохозяйственной продукции (уступая по производству зерна США). Особенно важно отметить, что рост общего производства в сельском хозяйстве, равно как и повышение производительности труда в нем и урожайности, опережали рост населения. Так, рост производительности в сельском хозяйстве в 1903–1913 гг. ежегодно равнялся 1,8 %, что составляло $\frac{3}{4}$ роста производительности в промышленности (Грегори 2003: 26 и табл. 3, с. 64). С 1883 по 1905 г. производство сельхозпродукции увеличивалось на 2,55 % в год, тогда как население – на 1,3 %, то есть в два раза быстрее, а производство сельскохозяйственной продукции на душу населения росло темпом 1 % в год (Там же: 34). Но с 1884 по 1904 г. хлебный экспорт увеличивался быстрее роста производства, так что прирост в этот период поглощался главным образом за счет экспорта. Поэтому в Центральной России рост производства в аграрном секторе ощущался слабо. Зато в предвоенное десятилетие экспорт почти не повышался, так что в целом прирост поглощался внутренним спросом. Эти данные говорят о том, что в России не было ухудшения положения населения в области питания, напротив, потребление, хотя и медленно, но возрастало. Но рост неравенства на фоне быстрых изменений вызывал и рост социальной напряженности в стране.

Кто стоял во главе революции? Горожане и крестьяне в Русской революции. Исследователи довольно давно заметили, что крестьянство не выступает в качестве авангарда революции (см., например: Сорокин 1992 [1925]: 287 со ссылкой на профессора Э. Хайеса), даже если сельчане и испытывают неудовлетворенность положением, налоговым гнетом (не слишком сильным в царской России), страдают от притеснений или в периоды неурожаев. В лучшем случае возникают волнения, погромы и прочие виды нестабильности. В истории России это хорошо заметно в период до начала революции 1905–1907 гг., когда крестьянские волнения усиливались начиная с 1901 г.

Центром революционного напряжения и местом начала революционных выступлений, как правило, являлись города, причем крупные и столичные. Крестьяне втягиваются в революционные процессы заметно позже, а иногда выступают как контрреволюци-

онная (консервативная) сила, как это случилось во Франции в 1849–1851 гг., когда крестьяне поддержали Наполеона III. Россия в этом плане не была исключением, авангардом революции в ней были горожане, а крестьяне активизировались на несколько месяцев позже.

Рассмотрим, какие слои городского населения являются наиболее активными участниками революционных движений в модернизирующихся обществах. С. Хантингтон на первое место ставит средний класс, особенно интеллектуалов «с традиционными корнями и современными ценностями», за которыми идут служащие (Хантингтон 2004: 292), а рабочий класс – лишь на второе место (Там же: 287). Правда, в своем исследовании он ставит больший акцент на современные ему (то есть периода 1940–1960-х гг.) общества, добавляя, что в XIX в. в европейских странах пролетариат был гораздо радикальнее (Там же: 287). В России как раз пролетариат был довольно революционным, но интеллигенция и служащие тоже активно участвовали в революции, не говоря уже о студентах, которые были ее передовым отрядом.

Вывод о решающей роли городов в подготовке и организации революции исключительно важен и сам по себе. Но в отношении России он важен еще и потому, что опровергает идею о том, будто причиной Русской революции было существование народа на уровне физиологического выживания, как считает С. А. Нефедов (см., например: Нефедов 2010а; 2010б)¹⁹.

Но если об уровне потребления крестьян еще как-то можно спорить, то вполне очевидно, что в городах питание было однозначно лучше, чем в деревне. Это доказывает, что первичной причиной революции 1905 г., противостояния в столице в июле 1914 г.,

¹⁹ Он также, в частности, утверждал, что «при существовавшем распределении ресурсов страна не могла прокормить нарождающиеся новые поколения» (Нефедов 2010а: 55). Однако смертность в России, в том числе и детская, снижалась (хотя и медленно): с 1861–1865 гг. по 1911–1913 гг. общая смертность в России снизилась с 36,5 до 27,1 человека на 1000 человек (Россия... 1995; см. также: Новосельский 1916: 186–187). Общеизвестно, что система распределения в стране менялась, как за счет постоянного уменьшения помещичьего землевладения и соответственно роста крестьянского частного землевладения, так и за счет реформы общинного землевладения и переселения. Менялась и структура продовольственного экспорта в стране как раз за счет роста внутреннего потребления. Разумеется, эти перемены, особенно в отношении общинного землевладения, не были быстрыми, но развитие шло в правильном направлении.

да и по большому счету Февральской революции 1917 г.²⁰ было не физиологическое недопотребление, а иные социальные проблемы, включая и рост активности контрэлиты. Если человек голоден, для него самое важное – быть сытым. Однако, приходя в город, зарабатывая достаточно, чтобы быть сытым (и даже пьяным), пользуясь благами городской цивилизации, почему россияне не успокаивались? Причины недовольства властью были глубже и шире недопотребления, хотя последнее ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов²¹.

Вновь повторим, важнейшая проблема России как страны модернизирующейся состояла в том, что в ней возникла очень сильная диспропорция между уровнем жизни, доходами (а также и потреблением) разных слоев и страт населения (традиционная диспропорция между старыми и новыми господами, с одной стороны, и народом – с другой; а также между крестьянами богатыми и бедными). При этом очень значительная часть населения оказалась в ситуации, когда положение относительно (лишь в отдельных случаях абсолютно) ухудшалось по сравнению с положением других слоев. Рост общего богатства страны не вел к его достаточно равномерному распределению. Поэтому преимущества трансформации не могли реально почувствовать или осознать все слои населения, а консерватизм социально-политического режима не позволял провести или довести до конца необходимые реформы и модификации²². Социальная политика если и не отсутствовала вовсе, то

²⁰ Если не учитывать перебои со снабжением в городах во время войны. С одной стороны, возникновение массовых волнений в феврале 1917 г. доказывает, что русские города всегда снабжались хорошо, горожане никогда не испытывали трудностей с продовольствием, вот почему перебои со снабжением стали столь мощным катализатором роста недовольства. С другой стороны, Февральская революция произошла в условиях войны, которая стала очень непопулярной, в условиях полного падения престижа царской власти. Никакие перебои с хлебом в других ситуациях (военных побед, уважения к царской семье, неразложившейся армии и т. п.) никогда не вызвали бы подобного развития событий. Это был бы просто эпизод народного недовольства, каким его изначально и считали.

²¹ Кроме того, отметим, что в период Первой мировой войны, несмотря на трудности с рабочей силой в деревне, в целом материальное положение крестьян стало лучше, как за счет того, что временно снизилась острота малоземелья, так и за счет инфляции, которая была выгоднее крестьянам, чем горожанам. Следовательно, недопотребление не могло быть непосредственной причиной крестьянских волнений в 1917 г. А вот стремление к переделу земли таковым было.

²² Общеизвестно, насколько наличие общины усугубляло демографическую и экономическую ситуацию в основных районах страны, более раннее изменение общинного строя могло бы привести к лучшим результатам.

была весьма слабой, в лучшем случае сводилась к помощи голодающим районам при недородах.

Если рассматривать вопрос в аспекте социальной психологии, то главный источник недовольства в дореволюционной России (так сказать, на уровне самых общих причин первого порядка) проистекал из того, что жизнь сильно изменилась и постоянно менялась (где-то в лучшую, а где-то – в худшую сторону). В результате произошла и социально-психологическая переоценка социального порядка. То, что раньше казалось естественным и неизбежным, теперь стало казаться невыносимым. С одной стороны, социальная ситуация уже не удовлетворяла изменившееся под влиянием огромных перемен мировоззрение людей (ставших значительно грамотнее). С другой стороны, социальная психология не успевала приспособиться к изменениям, понять действительные (а не кажущиеся) причины трудностей, правильно оценить изменения. Поэтому большинство населения (то есть крестьяне) не хотели мириться с серьезным социальным расслоением внутри общины, несправедливостью, возросшей ролью денег, новой моралью, не хотели ломать привычный уклад, в то же время быстро усваивая привычки более зажиточного образа жизни. Последнее особенно касалось фабричных рабочих (которых многие русские писатели и общественные деятели считали просто развращенными мужиками и бабами). Они не были, конечно, зажиточными, но и отнюдь не голодали, даже праздновали каждое воскресенье (и не питались по карточкам, как их потомки в советское время)²³. Среди рабочих, тем более квалифицированных, было много хорошо зарабатывающих людей. И все же именно рабочие (и даже служащие, которые уж тем более жили лучше крестьян) оказались ударным отрядом революции. С другой стороны, ни государство, ни элита не оказались готовыми к быстрым изменениям, и они вовсе не желали перемен, отвечающих насущному моменту, поэтому и дали мало людей, способных переломить ситуацию. Россия стала сложной по социальному составу страной, а власть по-прежнему рассматривала ее строй, говоря словами историка С. М. Соловьева, как общество,

²³ Если обратиться к примерам из русской литературы, то можно вспомнить, например, знаменитый роман А. М. Горького «Мать», где рабочие вовсе не показаны голодающими; произведения А. И. Kupрина «Молох» и «Юзовский завод», в которых описываются тяжелые, античеловеческие, нездоровые условия работы, но не голодающие рабочие и т. п. Можно также сослаться на некоторые произведения К. М. Станюковича, А. С. Серафимовича и др.

состоящее из двух слоёв: мужей и мужиков (в частности, считая таковыми и городских рабочих).

Однако какую роль играло аграрное перенаселение и вызванное им малоземелье в Русской революции? Бесспорно, огромную. Поскольку именно постоянный рост малоземелья, связанный с мощнейшим демографическим давлением и общинным землевладением, не позволял быстрее внедрять новые формы хозяйствования и усиливал экологический кризис, создавая постоянное напряжение в обществе и придавая Русской революции те размах, глубину и упорство, которые и привели страну к катастрофе.

Однако опыт истории (в том числе и СССР) показывает: само по себе крестьянство не способно совершить революцию и обычно даже не способно начать ее. Без «городского» запала революция не состоится, власть, скорее всего, удержится. Кроме того, крестьянство как таковое далеко не всегда стремится свергнуть власть, захватить ее и особенно изменить государственный строй (зато к этому призывают идеологи городской интеллигенции, ее экстремистской части). Крестьянство стремится к социально-экономическим изменениям, улучшению своего положения, в том числе к переделу земли. И потому его можно успокоить проведением необходимых реформ (см. ниже мнение П. А. Сорокина по этому поводу). Так, после Декрета о земле крестьянство уже ничего особенно не требовало, активизируясь только в ситуации, когда его благополучие задевала белогвардейская или советская власть. В целом, таким образом, «революция затухает чаще в деревне» (Сорокин 1992 [1925]: 287)²⁴.

Поэтому, повторим, хотя революции в России социально опирались на широкие массы, включая большие группы крестьянства,

²⁴ П. А. Сорокин цитирует здесь профессора Э. Хайеса. Он также указывает в качестве подтверждения этой мысли на события 1919–1920 гг. в Баварии и Италии, а еще раньше – на события, происходившие в период Парижской коммуны во Франции и даже во времена Великой французской революции (Сорокин 1992 [1925]: 287). Сам Сорокин объяснял этот феномен тем, что индустриальные города – новый феномен социальной жизни, а человек менее приспособлен к условиям большого города, чем к сельской жизни (Там же), что только частично является верным, точнее, верно в основном для горожан в первом поколении (что, кстати, нами специально отмечалось, см.: Гринин, Коротаев 2009). Зато другая причина высокой революционности горожан, указанная Сорокиным, – слишком большое неравенство состояний и условий в городе, которое постоянно наблюдают рабочие (Сорокин 1992 [1925]: 287), – является более постоянной причиной социального недовольства.

они начинались в первую очередь как городские, а крестьянство вступало в борьбу позже и во многом под влиянием агитации из города (имея в то же время свою собственную идею и широкую основу для недовольства)²⁵. Вот почему малоземелье и демографическое давление не были решающими причинами в смысле возникновения революции – таковыми были изменения, созданные модернизацией. Но малоземелье, демографическое давление в сочетании с общинным характером землепользования можно считать решающими факторами, придавшими Русской революции огромный размах и разрушительную силу, позволившую уничтожить целый ряд важнейших институтов общества.

4. Мальтузианско-марксова ловушка

В России не было типичного классического мальтузианского структурно-демографического кризиса, характерного для позднеаграрных обществ с государством, которое можно было бы определить как развитое (об этом типе государства см.: Гринин 2010в). Данный кризис с коллапсом государственности и вытекающей из этого гуманитарно-демографической катастрофой возникает потому, что аграрное общество подошло к пределу своих возможностей, не будучи в состоянии выйти из мальтузианской ловушки, *технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства так, чтобы она росла быстрее населения.*

Очевидно, что в России до 1917 г. ситуация была существенно иной. Во-первых, рост производства и производительности в сельском хозяйстве не отставал и даже обгонял рост населения, а рост промышленности был еще более быстрым (см. выше). Во-вторых, технологически открывались огромные возможности для дальнейшего роста продуктивности сельского хозяйства и производительности аграрного труда (в виде кооперации, применения новых агрономических приемов, удобрений, машин и т. п.)²⁶. Это и наблюдалось, особенно в предвоенное пятилетие, в том числе в росте кооперации и производства животноводства в Сибири и других

²⁵ Отметим, кстати, что и большевики долго рассматривали крестьян как инертную или реакционную массу.

²⁶ С 1908 по 1912 г. расходы на приобретение машин возросли в 2,5 раза – с 54 млн рублей до 131 млн рублей (Измestьев 1990: 77).

регионах. В-третьих, колоссальные возможности открывались и частично реализовывались в плане превращения общинной (технологически менее производительной) собственности на землю в частно-надельную²⁷. В-четвертых, огромный экспорт зерна и других продуктов питания также свидетельствовал об отсутствии дефицита продовольствия. Наконец, в-пятых, развитие промышленности и известные реформы могли вывести страну на другую эволюционную траекторию. Вот почему наиболее разумные и умеренные реформаторы в России говорили о необходимости более рациональной перестройки крестьянского хозяйства.

Кроме того, в России уже сложились крупная промышленность и вполне зрелое государство. А в этой ситуации, как мы видели, демографическое давление играет очень важную, но не решающую в возникновении революции роль. Вот почему в России в начале XX в. уже не было типичной мальтузианской ловушки, здесь наблюдалась модернизационная ловушка.

С учетом того, что демографическое давление в России было велико, а страна все еще представляла переходное от феодализма к капитализму общество, можно сказать, что в ней сложился особый вид кризиса, характерный для индустриализующихся стран с сильными пережитками феодализма, который мы могли бы назвать мальтузианско-марксовской ловушкой, то есть разновидностью марксовской ловушки. При этом по мере развития индустриализации мальтузианско-марксовская ловушка все заметнее превращалась в типично марксову (представляющую собой ситуацию неприми-

²⁷ Ситуация несколько напоминала положение в Англии XVI в., где выделение из общины и системы открытых полей вели к резкому росту производства. В Англии в XVI в. считали, что один огороженный акр стоит полутора (или больше) неогороженных (общинного) (Дмитриева 1990: 10). Хотя в ряде отношений (и, пожалуй, в целом) пореформенная Россия существенно опережала Англию XVI – начала XVII в., но в некоторых смыслах она находилась на том же уровне, а где-то и отставала. Это касается, в частности, ситуации с общинным землевладением и законами против огораживаний, стремлением части крестьян выделиться; повышением производительности на огороженных землях и товарности, ростом стоимости земли, несмотря на повышение цены аренды; стремительным ростом населения. Нечто похожее было и в России: цена на землю росла быстрее всего (в том числе и благодаря кредитам Крестьянского банка). В Англии были нередкими неурожайные годы, но отметим, что революция мало затронула крестьянство. В этом ее отличие от России. Кстати, в XVIII в. Англию называли «зернохранилищем Европы» (Галич 1986: 191 со ссылкой на: Vaigoch 1971: 30) при быстром росте населения, что вызывало значительные диспропорции в потреблении в период ранней индустриализации (отмечается большая разница в показателях роста представителей элиты и простонародья), а в конце XIX в. она стала основным импортером зерна.

римой классовой борьбы, ведущей к опасности социальной дестабилизации), но постепенно выход определялся и из нее. Марксова ловушка могла быть преодолена только в результате завершения индустриализации, которая приводит к возникновению урбанизированного общества с умеренным приростом населения и более высоким уровнем жизни. По сути, эта ловушка исчезает уже на этапе постиндустриальной модернизации, если использовать терминологию Р. Инглхарта и К. Вельцеля (2011). Между тем на первом этапе модернизации (о которой у нас идет речь) происходит мобилизация масс, то есть усиление разного рода протестов, ведущих к дестабилизации.

Мальтузианско-марксова ловушка возникает в ситуации, когда появляется фабричная промышленность и заметным (но все еще относительно малочисленным) слоем общества становится промышленный пролетариат. В ней можно выделить две главные составляющие: экономическую (марксову) и демографическую.

Марксова составляющая связана с диспропорцией в распределении выгод от быстрого экономического роста и с отсутствием или неразвитостью социального законодательства, что делает работников порой беспомощными, а эксплуатацию нередко – варварской, хотя ситуация экономического подъема заставляет хозяев идти на повышение зарплаты и бояться всякого рода простоев²⁸. Однако в ситуации кризисов опасность социального взрыва нарастает. Возможность такой грубой марксовой ловушки неразрывно связана с мальтузианской составляющей, поскольку предприниматели привлекают рабочую силу именно из этого кажущегося бездонным резерва и именно демографическое давление постоянно выбрасывает в города и на промыслы все новых работников, которые обычно не обладают квалификацией. Возникает диспропорция между спросом на квалифицированную рабочую силу и чрезмерным предложением

²⁸ В России законы, ограничивающие эксплуатацию рабочих, стали приниматься в конце 1880-х гг. Также были созданы специальные комиссии для контроля за их соблюдением. После революции 1905–1907 гг. рабочее законодательство было расширено правом организации профессиональных союзов и создания рабочих касс взаимопомощи. Все это облегчало положение рабочих и создавало возможность канализации борьбы пролетариата в экономическое русло. Тем не менее уровень жизни и условия труда многих групп рабочих были далеки от желаемого. Кроме того, отчуждение рабочих от власти было настолько сильным, что для предотвращения включения рабочего класса в политическую борьбу от правительства требовалось существенно больше, что выходило за рамки собственно экономических уступок. Между тем власть, по сути, игнорировала существование столь значимой части городского населения.

ем неквалифицированной рабочей силы (обычно состоящей из молодых и социально активных людей). В результате наблюдается большой разрыв в доходах рабочих разных групп.

Демографическая составляющая связана с аграрным перенаселением и высоким естественным приростом, который усиливается достижениями модернизации – сокращением смертности. Отсюда переизбыток рабочей силы, но по большей части неквалифицированной и в огромной степени неграмотной или малограмотной. Такая ситуация может проявляться в росте безработицы, пауперизации, усилении эксплуатации наемного труда, а в аграрном секторе в зависимости от системы крестьянского хозяйствования – в малоземелье и росте арендной платы либо возрождении в том или ином виде квазифеодальных повинностей. Усугубляют ситуацию временные (но трагические) эпизоды недородов и даже голода. При этом мальтузианская составляющая выступает и как поставщик социально взрывоопасного материала, особенно в виде большого числа молодежи, которая, собираясь в массы, является мощнейшей силой²⁹.

Но в отличие от мальтузианской ловушки проблема перенаселения в указанных обществах является не фатальной, а скорее социальной, поскольку: а) рост ВВП на душу населения не отстает или даже опережает рост населения (что мы видели выше в отношении России); б) рост товарности в целом обгоняет рост населения, в результате чего урбанизация растет более быстрыми темпами, чем население в целом, усилия и капиталы направляются в наиболее доходные отрасли, что ведет к новому росту ВВП (все это было в России); в) уровень жизни каждого человека зависит не от количества земли, а от его денежных доходов, что позволяет уси-

²⁹ Необходимо также указать на то, что процессы модернизации всегда идут сложно, это касается почти любой страны, возможно, за редким исключением. Но при этом они не всегда связаны с проблемами мощного демографического давления, а также с революциями. Так, например, во Франции в XIX в. население росло сравнительно медленно, за 100 лет увеличившись всего примерно в полтора раза: с 26,9 млн до 40,7 млн человек (Armengaud 1976: 29). Но это не помешало тому, что в ней произошло в XIX в. несколько революций, кстати отметим, прежде всего городских. Демографическое давление может иметь место, но уменьшаться за счет эмиграции и прямой смертности от голода, примером чему служит Ирландия, население которой за XIX в. даже уменьшилось с 5 млн до 4,4 млн человек (*Ibid.*). Быстрая модернизация может сопровождаться быстрым ростом населения, но не вести к революциям благодаря более удачной внутренней и внешней политике государства (примером чему служит Япония после реставрации Мэйдзи).

лить процессы социальной мобильности, диверсификации занятий населения, вовлечения населения в более активную жизнь; в целом повышает уровень жизни.

Однако такая быстрая динамика экономики и миграций требует существенных трансформаций в политическом строе, правовой системе и прочем, а эти изменения могут существенно запаздывать. Элиты и высшая власть формируют мощнейшие преграды на пути изменения политической системы. Между тем в стране происходит политическая модернизация, а это означает, что в политический процесс так или иначе включаются все новые слои населения (Хантингтон 2004: 270).

Политическая модернизация во многом неразрывна с социальной, которая означает появление большей социальной мобильности, большего числа так называемых социальных лифтов, позволяющих выдвинуться активным и талантливым людям. Число таких возможностей в дореволюционной России резко выросло, поскольку недостаток образованных людей открывал путь наверх многим в разных областях деятельности: в системе образования и науке, статистике и здравоохранении, даже в военной службе³⁰. Но в отношении лифтов к высшим политическим постам ситуация была существенно хуже. Хотя и туда попадали люди незнатного происхождения (в меньшем количестве, чем в другие сферы), но в целом эти посты и тем более придворные должности рассматривались как привилегия знати, в любом случае здесь господствовали дух и идеология родовитой аристократии. И это усиливало разрыв между политической модернизацией в широком плане и медленными изменениями в политической структуре империи.

Могла ли Россия выйти из мальтузианско-марксовой ловушки без глубокой и разрушительной социальной революции? Теоретически могла. Но для этого требовалось очень многое. Помимо потребности в длительном внешнем мире необходима была система глубоких и систематических реформ во всех сферах жизни. Требовалось перестроить общину, внедрить частную собственность в сельское хозяйство, каким-либо образом ускорить перестройку по-

³⁰ В частности, многие известные генералы, включая Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина, происходили из далеко не знатных семей, а то и из простолюдинов.

мещичьего землевладения (которое уже и так менялось – частью земли просто продавались, частью поместья трансформировались в интенсивное хозяйство), перестроить государственную систему и систему образования, устроить национальные отношения и т. п. Но для этого требовались иная элита, иная власть или хотя бы другие люди на ее вершине, и иная международная обстановка. «Революция в значительной степени есть расплата за грехи (и, добавим, ошибки. – Л. Г.) прошлого, есть знак того, что не было творческих духовных сил для реформирования общества», – писал Н. Бердяев (1995: гл. X). Творческих духовных сил для систематического и разумного реформирования в российской элите явно не хватило, мало того, она одновременно и препятствовала реформам, и фрондировала перед самодержавием, которое было единственной скрепляющей систему силой.

5. Заключительные замечания (выводы)

Итак, русские революции явно не были случайностью. Скорее наоборот, рост революционных настроений в обществе отражал степень изменений в Российской империи, а потому был закономерным. Повторим, чтобы избежать революций, требовалось гораздо более искусное правление, чем могло обеспечить царское правительство или элита, тем более великодержавная. Таким образом, в широком смысле слова основной причиной русских революций было то, что модернизирующееся общество, каким являлась Российская империя, в условиях быстрой урбанизации и демографического роста неизбежно сталкивается с сильными деформациями и изменениями, которые обостряют все противоречия в обществе и выливаются в усиление противостояния, в то время как, с одной стороны, понимание ситуации правящей элитой явно отстает от развития ситуации, а с другой – идеологические представления противников режима о глубине преобразований явно опережают возможности общества.

Следовательно, революции в России были почти неизбежны. Однако результаты революций не были неизбежными, а зависели от баланса сил и исторической обстановки в период их назревания.

Любое общество можно рассматривать как систему, которая испытывает внутренние и внешние влияния. Учет силы внутренних

и внешних влияний, баланс экзогенных и эндогенных факторов является одним из наиболее сложных видов анализа. Тем более что между ними существуют сложные прямые и обратные связи, которые могут как усиливать, так и ослаблять те или иные импульсы изменений. Особенно важен этот учет для понимания причин успеха или неудачи крупных преобразований. Еще более он важен при анализе состояний нестабильности, их причин, тем более таких значительных потрясений, как революции.

В. И. Ленин справедливо отмечал, что главный вопрос любой революции – вопрос о власти (Ленин 1969 [1917]: 145). Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Смена же власти путем революции означает значительно более резкий сбой в работе системы, часто с непредсказуемыми последствиями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса.

Только революции, которые совершаются уже в конце полосы модернизации и преобразований (в том числе повторные революции), могут быть относительно социально не затратными, «бархатными», прогрессивными. Из революций, которые начинают полосу социально-политической ломки и преобразований, наиболее продуктивными являются, хотя это и звучит неожиданно, революции, потерпевшие поражение. Именно они, не позволяя разрушить общество до основания, становятся теми драйверами, которые заставляют правительства реформировать политическую и социальную систему, а также, поскольку правительства получают определенную «прививку» страха революции, нередко стимулируют их к дальнейшему реформированию (так было, в частности, в период правления Бисмарка в Германии). Таковы были революции 1848–1849 гг., в результате которых в европейских государствах открылась дорога и к капитализму, и к демократии. И, кстати, после поражения в войне с Пруссией в 1866 г. Австрийская империя вынуждена была превратиться в двуединую монархию Австро-Венгрию, что позволило ей просуществовать еще полвека.

Именно таковой была революция 1905–1907 гг. в России, которая дала мощный толчок развитию страны, в том числе и ее парламентаризму. Если бы страна пережила еще одну такую не достиг-

шую победы революцию, вполне вероятно, правительство вынуждено было бы продолжить реформирование, в том числе и в области принудительного отчуждения помещичьих земель³¹, и в области национальных отношений, и в других сферах. Тогда, возможно, далее страна могла бы развиваться более спокойным курсом (хотя, конечно, для России эпоха великой депрессии 1930-х гг. могла быть очень тяжелой в социальном плане).

Но новая революция случилась в России в период войны, когда армия вышла из-под контроля правительства, что предопределило радикализацию революции, причем *с какого-то периода в 1917 г. этого уже было не избежать*. Конечно, имелись серьезные предпосылки для такой радикализации, но в условиях мирной жизни они вряд ли были бы достаточными для этого.

Поэтому в заключение статьи еще раз повторим: революция в России была почти неизбежным этапом исторического развития, но радикальный слом частной собственности и других испытанных институтов общества в ее ходе стал результатом складывания особых исторических обстоятельств и даже случайностей.

Литература

Бердяев, Н. А.

1990. *Философия неравенства*. М.: ИМА-ПРЕСС.

1995. *Царство духа и царство кесаря*. М.: Республика.

Бондаренко, Д. М., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2010. Социальная эволюция: альтернативы и варианты. В: Гринин, Л. Е., Марков, А. В., Коротаев, А. В. (ред.), *Эволюция: Проблемы и дискуссии* (с. 120–159). М.: ЛКИ.

Галич, З. Н. 1986. К сравнительной характеристике базисных структур Европы и Азии в канун промышленной революции. В: Рейснер, Л. И., Славный, Б. И. (ред.), *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока* (с. 184–216). М.: Наука.

Грегори, П. 2003. *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки*. М.: РОССПЭН.

Гринин, Л. Е.

2010а. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. В: Гринин и др. 2010: 198–224.

2010б. Модернизационные ловушки как часть процесса трансформации сверхсложных аграрных обществ в индустриальные. *Информацион-*

³¹ В экономическом плане эта реформа имела бы, возможно, не особо длительный эффект, но в социальном она снимала бы революционный «навес».

ный бюллетень Ассоциации «История и компьютер» № 36. Материалы 12-й конференции АИК. Октябрь (с. 85–96). М.: Изд-во МГУ.

2010в. *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.

2011а. Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г. (ред.), *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* (с. 337–356). М.: Красанд/URSS.

2011б. Модернизационные ловушки в мировой динамике: история и современность. В: Ильин, М. В. (гл. ред.), *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*: сб. науч. тр. Вып. 2 (с. 206–226). М.

2012а. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. В: Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* (с. 188–223). М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

2012б. Опасность социально-политического кризиса в процессе модернизации. *Вестник КИГИТ* 6: 39–63.

2013. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.

2014. Модернизационные (постмальтузианские) ловушки. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* (с. 98–127). Волгоград: Учитель.

Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2009. Урбанизация и политическая нестабильность: К разработке математических моделей политических процессов. *Полис* 4: 34–52.

2010. *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена*. М.: ЛКИ/URSS.

2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ/URSS.

2013. Демократия и революция. *История и современность* 2: 15–35.

2014. Революция vs демократия (революция и контрреволюция в Египте). *Полис* 3: 139–158.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю.

2008. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из «мальтузианской ловушки»: некоторые возможные направления дальнейшего развития. В: Малинецкий, Г. Г., Коротаев, А. В. (ред.),

Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов (с. 78–117). М.: ЛКИ/URSS.

2010 (ред.). *О причинах Русской революции*. М.: ЛКИ/URSS.

Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Гусев, В. А., Коротаев, А. В. 2009. Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из «мальтузианской ловушки». В: Малков, С. Ю., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *История и Математика: процессы и модели* (с. 134–210). М.: URSS.

Дмитриева, О. В. 1990. *Социально-экономическое развитие Англии в XVI в.* М.: Изд-во МГУ.

Изместьев, Ю. В. 1990. *Россия в XX веке. Исторический очерк, 1894–1964*. Нью-Йорк: Перекличка.

Инглхарт, Р., Вельцель, К. 2011. *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое изд-во.

Коротаев, А. В. 2006. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции*. М.: Вост. лит-ра.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Божевольнов, Ю. В., Зинькина, Ю. В., Малков, С. Ю. 2011. Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (ред.), *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* (с. 138–164). М.: Красанд/URSS.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Халтурина, Д. А., Малков, А. С., Божевольнов, Ю. В., Кобзева, С. В., Зинькина, Ю. В., Малков, С. Ю. 2010. Ловушка на выходе из ловушки? К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. В: Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В. (ред.), *Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. 3-е изд. (с. 159–226). М.: ЛКИ/URSS.

Ленин, В. И.

1969 [1917]. О двоевластии. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 31. Март – апрель 1917 (с. 145–148). М.: Политиздат.

1981 [1920]. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 41 (с. 1–104). М.: Политиздат.

Назаретян, А. П. 2005. Универсальная история и синдром Предкризисного человека. В: Малков, С. Ю., Коротаев, А. В. (ред.), *История и синергетика: методология исследования* (с. 141–166). М.: КомКнига/URSS.

- Нефедов, С. А.**
2007. *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- 2010а. О причинах Русской революции. В: Гринин, Коротаев, Малков 2010: 25–60.
- 2010б. Россия в плену у виртуальной реальности. В: Гринин, Коротаев, Малков 2010: 351–367.
- Новосельский, С. А.** 1916. *Смертность и продолжительность жизни в России* (с. 186–187). Пг.: Тип. МВД.
- Побережников, И. В.** 2006. *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации*. М.: РОССПЭН.
- Рашин, А. Г.** 1956. *Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки* / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Гос. стат. изд-во.
- Россия** 1913 год. *Статистико-документальный справочник*. СПб.: БЛИЦ, 1995.
- Сорокин, П. А.** 1992 [1925]. Социология революции. В: Сорокин, П. А., *Человек. Цивилизация. Общество* (с. 266–294). М.: Политиздат.
- Стародубровская, И., Мау, В.** 2004. *Великие революции. От Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус.
- Токвиль, А. де.** 1997. *Старый порядок и революция*. М.: Московский философский фонд.
- Травин, Д., Марганя, О.** 2004. *Европейская модернизация*. М.: АСТ.
- Урнов, М. Ю.** 2008. *Эмоции в политическом поведении*. М.: Аспект-Пресс.
- Хантингтон, С.** 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Хобсбаум, Э.**
1999а. *Век империй*. Ростов н/Д.: Феникс.
1999б. *Век капитала*. Европа 1848–1875. Ростов н/Д.: Феникс.
1999в. *Век революции*. Европа 1778–1848. Ростов н/Д.: Феникс.
- Яковлев, А. И.** 2010. *Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках*. М.: URSS.
- Armengaud, A.** 1976. Population in Europe 1700–1914. In Cipolla, C. M. (ed.), *The Industrial Revolution. 1700–1914* (pp. 22–76). London: Harvester.

Artzrouni, M., Komlos, J. 1985. Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41(3–4): 21–39.

Bairoch, P. 1971. *Le tiers-monde dans l'impasse. Le démarrage économique du XVIIIe au XXe siècle.* Paris: Gallimard.

Boix, C. 2011. Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(4): 809–828.

Brunk, G. G., Caldeira, G. A., Lewis-Beck, M. S. 1987. Capitalism, Socialism, and Democracy: An Empirical Inquiry. *European Journal of Political Research* 15(4): 459–470.

Burkhart, R. E., Lewis-Beck, M. S. 1994. Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. *American Political Science Review* 88(04): 903–910.

Cutright, P. 1963. National Political Development: Social and Economic Correlates. In Polsby, N. W., Dentler, R. A., Smith, P. A. (eds.), *Politics and Social Life: An Introduction to Political Behavior.* Boston: Houghton Mifflin.

Dahl, R. A. 1971. *Polyarchy: Participation and Opposition.* New Haven: Yale University Press.

Davies, J. C. 1962. Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review* 27(1): 5–19.

1969. Toward a Theory of Revolution. In McLaughlin, B. (ed.), *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective* (pp. 85–108). New York, NY: Free Press.

Epstein, D. L., Bates, R., Goldstone, J., Kristensen, I., O'Halloran, S. 2006. Democratic Transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.

Grinin, L. 2012. State and Socio-political Crises in the Process of Modernization. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 3(1): 124–157.

Gurr, T. 1968. A Causal Model of Civil Strife: a Comparative Analysis Using New Indices. *American Political Science Review* 62(04): 1104–1124.

1974. Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971. *American Political Science* 68 (December): 1482–1504.

2015. *Why Men Rebel.* Abingdon-on-Thames: Routledge.

Huntington, S. P. 1968. *Political Order in Changing Societies.* New Haven, CT: Yale University Press.

Kögel, T., Prskawetz, A. 2001. Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.

Komlos, J., Artzrouni, M. 1990. Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.

Lipset, S. M. 1959. Some Social Requisites of Democracy. *American Political Science Review* 53: 69–105.

Londregan, J. B., Poole, K. T. 1996. Does High Income Promote Democracy? *World Politics* 49: 1–30.

Moore, B. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.

Rueschemeyer, D., Stephens, E. H., Stephens, J. D. 1992. *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press.

Steinmann, G., Komlos, J. 1988. Population Growth and Economic Development in the Very Long Run: A Simulation Model of Three Revolutions. *Mathematical Social Sciences* 16: 49–63.

Steinmann, G., Prskawetz, A., Feichtinger, G. 1998. A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.

Wood, J. W. 1998. A Theory of Preindustrial Population Dynamics: Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems. *Current Anthropology* 39: 99–135.